

УДК 821.161.1-1 "18/19"

Ю. В. Котенко

Харьков

АРХЕТИП ПРОМЕТЕЯ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ МИНСКОГО

Досліджується еволюція образу Прометея в поезії М. М. Минського.

Ключові слова: міф, еволюція, сюжет, мотиви бунту, страждання, жертвовності.

Исследуется эволюция образа Прометея в поэзии Н. М. Минского.

ключевые слова: миф, эволюция, сюжет, мотивы бунта, страдания, жертвенности.

The article is devoted to the evolution of Prometheus image in Minskiy's poetry.

Key words: myth, evolution, plot, motifs of rebellion, pain, sacrifice.

Поэзия русского символизма имеет ряд характерных признаков, одним из которых является мифотворчество. Многие поэты-символисты обращались к разным мифологическим системам. Наиболее часто поэты Серебряного века обращались к сюжетам и образам античного и библейского комплексов мифов. Мифологические герои, титаны, боги приобретали в их

творчестве автобиографические черты. Кроме того, происходило переосмысление сюжетов с точки зрения авторского восприятия действительности, а также характерного для символистов стремления познать первоосновы бытия.

Образ Прометея в поэтическом наследии Н. Минского мало изучен в современном литературоведении. Отдельные замечания и наблюдения встречаются лишь в фундаментальном труде А. Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» [1] и в диссертации Л. П. Щенниковой «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен» [8]. Целью данной статьи является исследование эволюции образа Прометея в лирическом творчестве Николая Минского. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проанализированы основные модификации образа Прометея в лирическом творчестве Минского.

Как и многие символисты, Н. Минский находился в напряженном поиске нового смысла жизни и ожидании перемен. Его духовные искания увенчались созданием получившего в свое время известность философско-религиозного трактата «При свете совести». В нем автор изложил свое видение системы мироустройства, представление о сущности и функциях управляющего этой системой абсолюта. Философское понимание действительности, названное «мэонизмом», поэт воплотил и в своем поэтическом творчестве. Н. Минский неоднократно обращался к мифологическим образам. Именно через образы Агасфера, Прометея и других героев античной культуры автор более детально и целостно раскрывает характерные для его собственного творчества мотивы жертвенности, странствия, бунта. Так, образ Агасфера как символа странника, обреченного на вечные скитания по земле, был воплощен в отдельном цикле стихотворений. Другой классический образ мировой культуры – Прометей, неутомимый борец за благо и свободу людей, бунтарь против несправедливости и в то же время личность, добровольно принесящая себя в жертву, тоже не был обойден вниманием Н. Минского. Примечательно, что большинство поэтов-символистов практически прошли мимо этого всемирно-значимого образа. Обращение к образу мифологического титана можно увидеть лишь в творчестве В. Брюсова («К олимпийцам») и Вяч. Иванова («Прометей»).

Н. Минский в течение всего своего творчества неоднократно обращался к этому образу. Так, одно из первых упоминаний мифологического титана мы находим в его раннем стихотворении «Прометей» (1879). В нем Прометей предстает претерпевающим невыносимые страдания в наказание за своеволие и бунт против олимпийских богов. Минский предлагает оригинальную трактовку известного сюжета.

В стихотворении «Гений и труд» (1885) поэт вновь обратился к мифу о Прометее. Отталкиваясь от традиционной трактовки известного мифологического образа, поэт изобразил титана как благодетеля

человечества, его покровителя и спасителя. Стихотворение построено на соотношении трех космических сил – олимпийских богов, титана Прометея и земных людей. Завязка действия включает обращенную к Зевсу мольбу людей о ниспослании им огня. Они сетуют на свою тяжкую жизнь, лишенную света и тепла: «От дождей все потухли огни, / В шалашах мерзнут дети... / Нет хлеба...» [3, с. 31].

Во второй строфе стихотворения предстает противоположный полюс космических сил. Минский рисует олимпийское пиршество в чертогах Зевса. С голодом и беспросветной жизнью людей контрастирует описание кубков, наполненных светлым нектаром, шум «речей сладкозвучных», которые заглушают «докучные» мольбы «пасынков неба».

Если следовать логике поэтической мысли Минского, становится понятно, что именно на Прометея возложена посредническая миссия между небом и землей. Мифологический герой, титан изображается не в ореоле славы могущественного борца с олимпийскими богами, а предстает старцем, готовым идти на любые жертвы во имя благополучия людей. Согласно легенде, именно Прометей не только дал людям огонь, но и научил их строить дома, заниматься ремеслами, дал знания. У Минского находим прямое отражение сюжета мифа, за исключением способа передачи огня людям. Титан не похищает огонь у Зевса, а добывает его, упорно трудясь, и обучает людей способу его получения: «между тем в отдаленной пещере трудясь, / Прометей замышлял роковое < ... > / Быстро старец о дерево дерево трёт, / Ноют руки его, по лицу льется пот» [3, с. 32]. Так с помощью реалистических деталей поэт подчеркивает сложность совершаемого Прометеем действия. «Иным огнем» становится не похищенная с небес стихия, а добытый трудом земной огонь. Его не способны погасить олимпийские боги, поскольку Прометей передает людям не случайную и недолговечную искру, а умение самостоятельно получать жизнеутверждающее пламя.

Следуя каноническому античному сюжету, Н. Минский передает реакцию Зевса. Вынужденный прервать пир, верховный правитель решает наказать титана. Примечательно, что функция наказания у Минского возложена на Гермеса, а не на бога-кузнеца Гефеста, хотя известно, что Гермес был лишь вестником богов.

Раннее творчество Минского глубоко психологично, лирический герой часто предается рефлексии, однако образ Прометея-мученика раскрывается с помощью сухого отображения происходящих событий. Период страданий героя охарактеризован кратко. В двух строках описано все, что титан пережил за время пыток: «долго, в тяжких цепях Прометей изнывал, искупая свой грех благотворный» [3, с. 33]. Прометей наказан за свое деяние, за своего рода развенчание культа Зевса. Но тяжелые муки титана, его страдания не проходят даром: теперь людям не нужно молить бога о ниспослании огня, они могут получить его, приложив собственные усилия.

Отступает от привычного мифологического сюжета Н. Минский и в описании освобождения Прометея. Согласно общеизвестной версии античного мифа, Прометей освобождает Геракл. В стихотворении Минского добытый титаном огонь сжигает Олимп, а оковы Прометея сокрушает благодарный человек. Момент передачи огня стал роковым для Зевса и переломным в истории человечества. Именно образ Прометея-труженика, цивилизатора находится в центре повествования в этом стихотворении. Добытый огонь разгорается, распространяется и несет пользу человеку, поэтому и жертва во имя труда, во благо человека благотворна: «будьте ж трижды вы благословенны < ... > / Труд, будящий огонь вдохновенный, / И огонь, разбуженный упорным трудом, / Слезы замысла, пот исполненья, / И заветная кровь искупленья» [3, с. 33].

Стихотворение «Гений и труд» было написано Минским в пору его увлечения народническими идеями, поэтому в нем концентрируются мотивы трудового подвига и бунта против несправедливого устройства мира. Для Минского важно было показать значение труда, просвещения, духовного сближения с простым человеком. Эти идеи, проповедуемые народниками, как нельзя более ярко были раскрыты именно в интерпретации мифа о Прометее, где перед читателем раскрывался традиционный образ-символ цивилизатора и культурного героя, пожертвовавшего собой во имя человека.

В более позднем стихотворении, «Счастье Прометея» (1887), Минский вновь обращается к излюбленному образу бунтаря и цивилизатора. Однако если в стихотворении «Гений и труд» более полно выстраивалась сюжетно-событийная линия развития известного мифа, то в «Счастье Прометея» внимание читателя фокусируется лишь на одном определенном его эпизоде. В центр повествования вынесены физические и духовные страдания героя уже после совершенного благодеяния. Повествование в стихотворении «Счастье Прометея» строится в третьем лице. Минский стремился воспроизвести обьективированную картину легендарных событий. Автор-повествователь выступает в произведении как свидетель происходящего. Именно этим объясняется его гневное, эмоционально окрашенное обращение к Зевсу, которое поставлено в сильную позицию начала стихотворения. В этом обращении повествователь обвиняет верховного олимпийца в жестоком и несправедливом наказании Прометея, «так пламенно любившего людей». Коварный замысел Зевса состоял не только в причинении нескончаемых физических мучений титану, но и в изощренном выборе места заточения Прометея:

Ты заковал его в край дикий и безлюдный
<...> К заоблачной скале, лицом на север
льdistый Ты приковал его, и запад золотистый
И рдеющий восток горами заслонил [3, с. 121].

Изоляция как способ наказания предполагала и лишение любых жизненных впечатлений. Для усиления картины мучений, автор использует контрастные описания окружающего мира. Так, мрачным картинам скал и развалин, где прикован титан, резко противопоставлены «запад золотистый»,

«румяные сумерки». Усиливают муки Прометея и его размышления о целесообразности своего поступка. Добровольно приняв муки во имя человека, титан все же сомневается в необходимости своей жертвы. Многие годы, не имея доступа к цивилизации, которую сам создал, Прометей задается вопросом, насколько полезным оказался его дар человечеству. Размышления титана воспроизводятся в форме несобственно-прямой речи: «О, если бы узнать, что муки не бесцельны, / Что их ценой купил он счастье людей...» [3, с. 123].

Пессимизму и обреченности героя противопоставлены красота и спокойствие Кавказа, где, по легенде, был закован Прометей. Далее по ходу развития сюжета яркий контраст состояния героя и природы смягчается и постепенно исчезает. Вечерняя прохлада и тишина отрезвляют измученный разум Прометея. Он смотрит на раскрывающуюся перед ним красоту природы как бы вновь, любясь необыкновенностью мироздания и забываясь в прекрасном пейзаже. В своем забытии герой вновь и вновь возвращается мыслями к прежним мечтам, переживает яркие моменты вдохновения и ощущения радости при виде своих творений. Именно память о прежних желаниях, любовь к человеку, сетования на собственную судьбу и надежда на прекращение мук помогает титану выжить, пережить следующий день и вновь вернуться в эти чудесные воспоминания. Такая готовность к жертве каждый день, год, столетие, преодоление телесных страданий, сила характера и духа вызывает не только сочувствие, но и безграничную благодарность. За такую жертву ради человека автор награждает персонажа временным утешением – забвением и сном: «Забвенье и покой. Безмолвная богиня / Заворожила мир – мир объемлет сон » [3, с. 123]. Несмотря на то, что момент забытия наступает только ночью, а утром все возвращается на свои места, герой все же находит утешение в красоте природы. Таким образом, поэт за спасением и помощью обращается к эстетической стороне жизни, к наиболее прекрасному из существующего на земле – к природе.

В этом стихотворении образ Прометея раскрывается более глубоко. Прометей Минского становится не просто персонажем легенды, который сделал доброе дело для людей и за это был наказан, но появляется герой, близкий человеку, со своими переживаниями, сомнениями и воспоминаниями. Внутренняя природа титана раскрывается через эстетическую красоту мира, и эта красота становится спасительной силой для мученика Прометея. В стихотворении «Счастье Прометея» образ Прометея-труженика отходит на второй план, уступая место Прометею-мученику. Для Минского, исповедовавшего в ранний период творчества народнические идеалы, наиболее важной представлялась бунтарская сторона действий Прометея. Она становится предметом изображения практически во всех произведениях, включающих образ мифологического титана. Не случайно в первом томе своего собрания сочинений стихотворение «Огни Прометея» поэт поместил в раздел «Гражданские песни». Оно имеет обобщающий

характер, поскольку Прометей предстает в нескольких ипостасях – как труженик, мудрец и бунтарь.

Стихотворение «Огни Прометее» – это один из ярких примеров эволюции поэтической мысли Минского. Оно состоит из трех частей, две из которых объединяет образ Прометее, в то время как героем третьей части становится «слабый сын земли, мечтатель и певец» [6, с. 116], в котором угадывается уже лирический герой лирики Минского. Тем самым поэт соотносит себя с великим титаном, указывая на сходство их судеб. Чтобы показать, насколько они близки духовно, автор намеренно изменяет легенду и наполняет миф о Прометее новым смыслом.

Повествование ведется от первого лица. В первой части стихотворения Прометей позиционирует себя как труженика, кузнеца. Эта функция в греческой мифологии, как известно, принадлежит другому богу – Гефесту, который по приказу Зевса приковывает Прометее к скале в наказание за его проступок. В стихотворении же Минского Прометей сам создает те оковы, в которые впоследствии и оказывается заключенным. Достав небесный огонь «для житнетворной цели» [6, с. 114], он сетует на то, что радость созидания уступила место рабскому труду «в корысть насилья и обмана». Всегда стойкий, свято верящий в благотворность своей жертвы Прометей, в трактовке Минского изменяет своим идеям, принципам и вере. Так, еще на раннем этапе творчества поэт создал образ титана, не видящего результата своего труда и испытывающего муки сомнений. В этом же стихотворении герой античных мифов уже абсолютно уверен в бесполезности жертвы и разочарован в людях, оказавшихся неспособными творчески использовать житнетворный дар огня: «тайну созиданья проглядели насильник-воин и обманщик-жрец» [6, с. 114]. Более того, он понимает, что люди не смогли правильно воспользоваться этим даром, хотя не винит их за это: «огонь небес меня неволил к созиданью, / В созданьях же моих мой приговор, мой рок» [6, с. 114].

Вторая часть стихотворения «Огни Прометее» представляет другой облик героя. На этот раз Прометей называет себя выдумщиком и мудрецом, хотя в тексте читателю предъявляется образ бунтаря. Даже физически лишенный свободы, он оказывается способным к борьбе: «Чем тяжелее цепь, тем мысль моя свободней» [6, с. 115]. На этот раз творца сменяет разрушитель, способный возратить мироздание к состоянию хаоса. Образ божественного огня уступает место демоническому: «Я вновь достал огонь, – не с неба, как творец, – / Но разрушительный огонь из преисподней» [6, с. 115]. Л. П. Щенникова в своей диссертации «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен» отмечает: «Лексема “преисподняя” не кажется здесь случайной, она ассоциируется с христианским адом, и не относится к античному Тартару. И огонь, позаимствованный оттуда, не созидательный, служащий людскому благу, но разрушительный, способный уничтожить все царства Бога, – это “демонический” огонь» [8, с. 129]. Действительно, новый дар Прометее

абсолютно противоположен предыдущему и способен кардинальным образом изменить действительность: «что небом создано, проглотит хаос новый, / И вольный миг сотрет, что долгий труд чертил» [6, с. 115]. Хаос как первоначало, из которого создается новое бытие, новая жизнь и новое миропонимание, неоднократно упоминался в трактате Минского «При свете совести». Идея жертвенного саморазрушения Абсолюта во имя создания множества объектов мироздания лежит в основе легенды о всеедином божестве, определяющей содержание меонистической системы Минского. Мысль о «зиждительном хаосе» Минского перекликается и с идеей Вяч. Иванова о расчлененном хаосе, который одновременно станет и единым космосом. Минский верит, что такой огонь может стать силой, тем хаосом, который окажется способным противостоять существующему миру, способным не только его изменить, но и создать новое бытие. Представление о том, что такой огонь «зажжет» души немногих, вновь возникает в сознании автора. Однако он снова убеждает, что даже единицы единомышленников способны совершить многое.

В третьей части стихотворения, в отличие от первых двух, имя Прометея не упоминается, а характеристика, данная субъекту сознания, переносит акцент на земной мир:

Я – слабый сын земли, мечтатель и певец.
Я – кроткий, любящий, искавший путь к святыне.
Но прах и тлен открыл в гробах людских сердец, И
вот устал мой дух – и я упал в пустыне [6, с. 115].

В последней из процитированных строк вновь актуализируется ветхозаветный контекст. Однако нам представляется, что такое смешение античных и библейских образов не противоречит стремлению Минского выразить собственное мироощущение. Его теория мэонизма имеет синтетический характер, который определяет и систему поэтических образов автора. Примечательно, например, что в стихотворении «Огни Прометея» мы находим и отголоски полемики с идеей всеединства, провозглашенной Владимиром Соловьевым. В стихотворении «Прометею» (1874) Вл. Соловьев порицает ошибочность восприятия мира как противостояния полярных сил – лжи и правды, блага и зла. Такое миропонимание он называет «ребяческим мнением» [7, с. 12]. Он бросает обвинение Прометею в непонимании истинной природы мира и выдвигает идею единого начала: «...Расплавлены оковы / Божественным огнем, / И утро вечное восходит к жизни новой / Во всех, и все в Одном» [7, с. 12]. Здесь во имя утверждения собственной философской мысли Вл. Соловьев далеко отходит от традиционного представления о миссии Прометея.

Соловьевская идея «блаженного примиренья» противоборствующих начал в едином чувстве всепоглощающей любви была чужда Минскому. В ранний период творчества он провозглашает спасительную миссию бунта и мщения. Демонический огонь, способный превратить в хаос стройную постройку мира, в руках человека становится оружием борьбы. В финальной части стихотворения «Огни Прометея» звучит гимн «пламени мщения».

«Огни Прометея», дарованные людям, становятся орудием преобразования мироздания. Так мучительный путь к преображению доходит до заданной точки. Великие боги повержены, разрушение существующей «древней лжи» начато.

Впоследствии идея Единого Бога, объединяющего в своем лоне все элементы мироздания, станет одной из центральных в философской системе Н. Минского. Такое мироощущение, перекликающаяся с идеями Вл. Соловьева, мысль о направленности всех человеческих путей к единому центру мироздания, наметит новые горизонты творчества Минского. В период поиска новых идеалов, переосмысления народнических идей образ Прометея приобретает новую окраску и новое назначение в его лирике. Поэт наделяет его символическим значением, перекликающимся с некоторыми мэоническими постулатами (жертвенность, бунт, страдания).

Миф о титане лежит в основе некоторых стихотворений нового периода творчества поэта, однако он зачастую не играет главной роли. Ярким примером такого использования прометеевского сюжета является стихотворение «Конец земной борьбы нам видеть не дано», вошедшее в сборник стихотворений 1896 года. В нем характеризуется другая фаза развития известного мифа, рисуются последствия деяния Прометея. Героями стихотворения Минского становятся не олимпийские боги, а земные люди, воспользовавшиеся благодатным даром титана. Стихотворение представляет собой монолог лирического героя, в котором он призывает имплицитного собеседника пойти путем Прометея, совершить такой же подвиг, не задумываясь о последствиях. При этом прометеев огонь мыслится как небесный дар, не только преображающий бытовую жизнь людей, но и наделяющий их способностью к творческому труду и божественному вдохновению. В такой трактовке люди мыслятся своего рода детьми Прометея, призванными «не погасить в душе небесного огня» [4, с. 117].

Таким образом, можно утверждать, что образ Прометея в поэтическом наследии Минского проходит определенные этапы своей эволюции. Поэт представляет его как в традиционном содержании, символизирующем цивилизатора, пожертвовавшего собой ради блага человека, так и в собственной интерпретации, наделенным мыслями и переживаниями, близкими человеку. Некоторые черты традиционного Прометея – способность к жертве, к добровольным страданиям и борьбе – развиваются Минским в соответствии с его системой мэонизма. Прометей Минского в этот период погружен во внутренние размышления и сомнения, его образ обретает психологическую глубину. Ощутимыми становятся соответствия с образом лирического героя. Подчеркиваются черты бунтаря и борца за преображение не только человеческой жизни, человеческого сознания, но и всего бытия. В образе Прометея нашли выражение основные идеи Минского, характерные для разных периодов его творчества.

Библиографические ссылки

1. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. / Алексей Федорович Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
2. Лосев А. Ф. Прометей / Алексей Федорович Лосев // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.442–444.
3. Минский Н. М. Стихотворения / Николай Максимович Минский. – СПб.: типография В.С. Балашева, 1887. – 248 с.
4. Минский Н. М. Стихотворения / Николай Максимович Минский. – СПб., 1896. – 343 с.
5. Минский Н. М. Прометей / Николай Максимович Минский // Античность в русской поэзии (XVIII – начало XX в.) : антология/ сост. Л.В. Голодников; под общ. ред. А.И. Фомина, Ю.С. Довженко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – С.291–292.
6. Минский Н. М. Полное собрание стихотворений в четырех томах. –/ Николай Максимович Минский. – Т.1: Белые ночи [Изд. 4-е]. – СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907.
7. Соловьев В. С. Прометею // Избранное / Владимир Сергеевич Соловьев. – СПб.: ТОО «Диамант», 1998. – С.12.
8. Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880-х – 1890-х годов как культурно-исторический феномен: дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.01.02 – «русская литература» / Людмила Павловна Щенникова. – Екатеринбург, 2003. – 521 с.

Надійшла до редколегії 25.01.2013 р.